

Зарин Андрей Ефимович

Северный богатырь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А65

А65 **Андрей Ефимович З.**
Северный богатырь / Зарин Андрей Ефимович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 252 с.

ISBN 978-5-519-85707-9

ISBN 978-5-519-85707-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Императоръ Петръ I.

Сѣверный богатырь.

{Историческая повѣсть.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Побѣдители.

Никогда псковичи не видали столько военныхъ, какъ въ 1700—1702 годахъ, когда фельдмаршалъ, бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, производилъ всѣ свои походы и нападенія изъ города Пскова.

И войска-то были особыя, какихъ раньше и видано не было. Съ косицами, въ треугольныхъ шляпахъ, въ куцыхъ полукафтаньяхъ, въ огромнѣйшихъ сапогахъ, съ тяжелыми тесаками да фузеями ¹⁾, на концахъ которыхъ торчали ножи.

— Охъ!—вздыхали старики,—нонче все по-новому. До-прежъ стрѣльцы были съ бердышемъ, съ пикою; кафтанъ до пять, сапоги красные, альбо желтые, а нонче—что твой разбойникъ!

— На подборъ удалцы,—съ завистью говорили про нихъ неслужилые молодцы, купеческія и мѣщанскія дѣти,—и житье вольное. Вино, деньги... всего вдоволь!

¹⁾ Фузея—ружье.

— Одинъ другого краше,—тайно шептались дѣвушки, смотря на рослыхъ солдатъ, и если у стариковъ эти молодцы не пользовались милостью, то у ихъ дѣтей они были предметомъ зависти и удивленья.

Особенно оживился Псковъ съ 9-го сентября 1702 г., когда Шереметевъ вернулся въ городъ на стоянку послѣ цѣлаго ряда блестящихъ побѣдъ съ войскомъ, покрытымъ лаврами и отягченнымъ добычею.

Посланный Петромъ Великимъ разорять Лифляндію и Эстляндію, Шереметевъ выполнилъ эту задачу съ особымъ рвеніемъ, мстя за свое пораженіе подъ Нарвою (1700 г.).

Въ январѣ 1702 г. онъ разбилъ на-голову своего недавняго побѣдителя Шлипенбаха. Затѣмъ уничтожилъ на Чудскомъ озерѣ шведскую флотилію, завладѣлъ Сыренскомъ и крѣпостью на устьѣ Эмбаха.

Чуть настало лѣто, и онъ, неутомимый, снова настигъ и разбилъ того же Шлипенбаха подъ Гуммельсгофомъ (18 іюля), забравъ 15 пушекъ, 15 знаменъ и 300 плѣнныхъ. Шлипенбахъ укрылся съ жалкимъ остаткомъ войска въ Перновѣ, а Шереметевъ съ ненасытной жаждой побѣдъ сталъ гулять по всей Эстляндіи.

На сѣверѣ онъ взялъ Везенбергъ, потомъ спустился и взялъ города: Вольмаръ, Гельметъ, Смильпентъ, Каркусъ; наконецъ, Венденъ и Маріенбургъ.

Городъ сдался, но своевольный взрывъ порохового погреба былъ сочтенъ за нарушеніе капитуляціи, и Маріенбургъ былъ отданъ на расхищеніе.

Впрочемъ, такой же участи подверглись и прочіе города.

Таково было время и его военные обычаи.

Войско Шереметева не отставало отъ вѣка, и самъ Борисъ Петровичъ къ противному не поощрялъ,—а какова была добыча, можно судить по тому, что на всю армію Шереметева за три года казна израсходовала всего 40.000 рублей, да и то на боевые снаряды и припасы.

Шведскіе отряды бѣжали повсюду отъ Шереметева въ

паническомъ страхѣ, и самый большой изъ нихъ былъ почти добить нашими войсками подъ Ригою.

Шереметевъ писалъ донесенія о своихъ побѣдахъ Петру, а тотъ, въ свою очередь, отписывалъ своимъ друзьямъ-сподвижникамъ: „Борисъ Петровичъ гостилъ въ Лифляндіи изрядно, два города нарочитыхъ да шесть малыхъ взялъ и полону до 12.000, кромѣ служилыхъ“.

Передъ возвращеніемъ въ Псковъ, русскіе отряды семь дней грабили непрерывно всѣ окрестности, увели 20 000 головъ скота, выжгли 600 селеній, „ѣли всѣми полками, а чего не могли поднять, то попалили и порубили“.

И 9-го сентября Шереметевъ съ войсками вступилъ въ Псковъ.

Съ ранняго утра до поздняго вечера гремѣла музыка и неслись удалыя солдатскія пѣсни, подъ звуки которыхъ, отрядъ за отрядомъ, входили войска, текли по улицамъ и словно таяли, разводимыя по обывательскимъ домамъ.

Шереметевъ въ боевыхъ латахъ и шлемѣ ѣхалъ на крупномъ бѣломъ аргамакѣ рядомъ съ Глѣбовымъ и Титовымъ, своими помощниками.

Съ тонкими чертами овальнаго бритаго лица, съ бѣлой косой, падающей изъ-подъ шлема, скорѣе тонкій, чѣмъ дородный, онъ производилъ вѣрнѣе впечатлѣніе французскаго придворнаго, нежели неустрашимаго воина.

Василій Глѣбовъ, маленькаго роста, но толстый, съ грубымъ четырехугольнымъ лицомъ, скорѣе походилъ на суроваго полководца, а Кузьма Титовъ, богатырь по росту, въ кожаномъ кафтанѣ съ мѣдной бляхою на груди, съ мечомъ чуть не въ два аршина, производилъ впечатлѣніе прямо атамана разбойниковъ.

Они ѣхали рядомъ и весело кивали головами на громкія привѣтствія псковичей, толпами стоящихъ по обѣ стороны пути.

— Вотъ такъ дядиньки!—воскликнулъ рыжій мѣщанинъ, толкнувъ подъ бокъ своего сосѣда.

— Кузьма Титовъ,—объяснилъ сосѣдъ и прибавилъ:—

брошу этто я сапоги шить и уйду въ солдаты. То-то жизнь!

— Гляди, гляди!

— Бумъ, бумъ, бумъ!—гремѣлъ турецкій барабанъ, покрывая своимъ громомъ и визгъ флейты, и частую дробь барабановъ.

— Эй, жги! говори, говори!—звенѣлъ голосъ запѣвалы, и отряды шли другъ за другомъ, удивляя псковичей и своими костюмами, и своими богатырскими фигурами.

Прошли пѣхотинцы въ зеленыхъ кафтанахъ, желтыхъ сапогахъ; съ громомъ покатились громадныя желѣзныя пушки то короткія, какъ открытыя пасти, то длинныя, тонкія, какъ куски чудовищныхъ змѣй; за ними мѣрнымъ шагомъ шли бомбардиры и прислуга съ длинными банниками, съ палками, на которыхъ спирально были намотаны фитили; потомъ двинулась конница: на высокихъ, толстыхъ лошадяхъ ѣхали драгуны съ пиками въ рукахъ, съ ружьями на сѣдлахъ; на горбоносыхъ, лохматыхъ лошадакахъ, гикая и горланя, скакали косоглазые киргизы съ луками и копьями, въ своихъ остроконечныхъ шапкахъ, а тамъ, дальше, въ яркихъ кафтанахъ, въ курткахъ, а то и просто въ рубахахъ, съ мохнатыми шапками на бритыхъ головахъ, хохоча и крича, двигались казаки и безконечную цѣпь войска замыкалъ рядъ телѣгъ, до-верху нагруженныхъ всякимъ добромъ, а тамъ дальше, мыча, ревя и блея, тянулись стада быковъ, коровъ и овецъ.

На площади у церкви Шереметева встрѣтило духовенство съ пѣніемъ и колокольнымъ звономъ,—и весь день шло у псковичей пированіе.

Не было дома, гдѣ бы на постой не стояли солдаты, и хозяева радушно угощали ихъ, жадно слушая ихъ рассказы объ убійствахъ, пожарахъ и насиліяхъ.

— Такъ имъ, басурманамъ, и надобно,—радостно говорили псковичи,—наше къ намъ ворочается!

Всему войску не могло найтись помѣщенія по домамъ,

и часть его расположилась биваками на площади и вокругъ города.

Запестрѣли шалаши и палатки, и весь городъ принялъ видъ громаднаго лагеря съ непремѣнными часовыми, паролемъ и лозунгомъ, съ вечерней и утренней зарею, съ перекличкою и непрерывнымъ разгуломъ.

Въ кабацѣ шло веселье съ ранняго утра до поздняго вечера. Цѣловальникъ Митька Безродный не спрашивалъ денегъ, а бралъ все, что дадутъ: и матерію, и кованый поясъ, и пистолетъ, и кортикъ, и вязанные чулки.

Купцы и мѣщане дружились съ солдатами и слушали про ихъ веселое житье.

Былъ уже девятый часъ въ началѣ, и Митька Безродный въ вечеръ на 15 сентября собирался гнать народъ и за-пирать кабацъ, когда въ горницу вошелъ высокій, стройный преображенецъ и, оглядѣвъ всѣхъ присутствующихъ, громкимъ голосомъ спросилъ:

— Братцы, не укажетъ ли мнѣ кто дороги къ генералу-фельдмаршалу?

Всѣ присутствующіе оглянулись на вошедшаго. Лицо его было блѣдно, платье запылено.

— А тебѣ на што?

— Ты откуда?

— Преображенскаго полку, братцы!—послышались голоса.

Вошедшій нетерпѣливо встряхнулъ головою.

— Вамъ-то что?—сказалъ онъ и потомъ рѣзко прибавилъ,—съ письмомъ отъ царя! Ну, што? довольно?—и онъ усмѣхнулся.

Всѣ взволновались.

— Такъ бы и сказалъ сразу!

— А то ишь: къ фельдмаршалу!

— Да енъ тебя...

— Пойдемъ што ли, мнѣ по пути,—сказалъ, поднимаясь съ лавки, драгунъ.

— Ворочайся потомъ, Скакунъ!

— Не, я въ палатку. Идемъ, што ли.

Преображенецъ нагнулъ голову, шагнулъ черезъ порогъ низкой двери и вышелъ слѣдомъ за драгуномъ на темную грязную улицу.

— Садись въ телѣжку,—сказалъ онъ драгуну, указывая на узкую двуколку. Драгунъ сѣлъ, преображенецъ сѣлъ рядомъ, извозчикъ зачмокалъ, и лошади поплелись по грязи.

— Вотъ такъ отъ самаго Порхова трясусь,—сказалъ преображенецъ.

— Съ чѣмъ ѣдешь отъ царя? Вороти направо, чучело! за церковь!—крикнулъ драгунъ ямщику.

— Съ письмомъ...

— А гдѣ царь?

— Царь отъ? Въ Архангельскѣ царь. Суда новыя спускаетъ, дай Богъ ему здоровья.

— А съ чѣмъ письмо?

— Ну, это цареву дѣло, я не знаю,—оборвалъ посланный.

Драгунъ замолчалъ, потомъ вдругъ ткнулъ возницу въ шею и закричалъ:

— Стой! Вотъ тебѣ и домъ фельдмаршала. У купца Большакова онъ. Вонъ—окно свѣтится. Прощай!

Драгунъ прыгнулъ на землю и скрылся въ темнотѣ.

— Спасибо!—крикнулъ ему вслѣдъ преображенецъ, сошелъ съ двуколки и сталъ стучать кулакомъ въ дверь.

Ему отворилъ рослый солдатъ съ фонаремъ въ рукѣ.

— Чего тебѣ?—грубо окликнулъ онъ.

— Скажи поди генералу-фельдмаршалу: посланный, молъ, отъ царя съ письмомъ!—нетерпѣливо сказалъ преображенецъ.

— Мигомъ, батюшка! Иди за мной!—отвѣтилъ солдатъ и, заперевъ дверь, повелъ преображенца по скрипучей деревянной лѣстницѣ.

— Пожди тутъ,—сказалъ онъ, оставивъ его въ тѣсной горенкѣ, освѣщенной свѣтомъ четырехъ лампадъ у огромной кіоты.

Черезъ мгновеніе въ горенку вошелъ красивый сержантъ и, вѣжливо поклонившись, сказалъ:

— Пожалуйте къ генералу!

Преображенецъ прошелъ по темному коридору и вошелъ въ большую комнату. Вдоль стѣны стояла складная узкая кровать, посреди комнаты стоялъ большой столъ съ двумя горящими свѣчами, широкій табуретъ, накрытый подушкой, и на немъ сидѣлъ самъ Шереметевъ, въ просторномъ желтомъ халатѣ безъ обычнаго парика, съ короткими полусѣдыми волосами.

Преображенецъ шагнулъ два шага, вытянулся и звонко, отчетливо произнесъ:

— Отъ государя генералу-фельдмаршалу Шереметеву письмо, а на словахъ передать велѣно, чтобы дѣйствовать не мѣшкатно, потому и зима скоро.

И съ этими словами бравый преображенецъ засунулъ руку за-пазуху, вынулъ оттуда платокъ, развернулъ его, досталъ пакетъ изъ сѣрой бумаги и подалъ его Шереметеву.

Шереметевъ привсталъ, принимая конвертъ, потомъ сломалъ печать и, придвинувъ къ себѣ свѣчи, сталъ читать письмо.

Лицо его оставалось непроницаемымъ, пока онъ читалъ. Потомъ онъ сложилъ письмо, положилъ его на столъ и, обратившись къ своему сержанту, сказалъ:

— Фатѣевъ, сведи молодца... Какъ звать тебя?

— Рядовой Преображенскаго полка, Николай Багрѣевъ,—вытянувшись, отвѣтилъ преображенецъ.

Шереметевъ кивнулъ и продолжалъ:

— Сведи его куда-либо на ночевку. Онъ при мнѣ пока што въ денщикахъ останется. А потомъ иди къ генераламъ Василью Лукичу и Кузьмѣ Авдѣевичу, чтобы сей минутъ ко мнѣ ишли. Иди!

Сержантъ браво повернулся, сказалъ Багрѣеву: — идемъ!—и вышелъ изъ комнаты.

Они прошли коридоръ и горенку; тотъ же солдатъ выпустилъ ихъ изъ дверей, и они очутились на улицѣ.

— Ну, я тебя, сударь, къ намъ на квартиру веду. Живетъ насъ въ горницѣ четверо, ну, а какъ я нынче въ дежурныхъ, то тебѣ моя постель послужить. Тутъ недалеко. Шагай!..

II.

Д р у з ь я.

Дѣйствительно, они свернули въ узкій переулокъ, прошли еще съ сотню шаговъ и вошли въ низенькую калитку палисадника.

— У приказнаго Жмохина снимаемъ,—объяснилъ по дорогѣ сержантъ, толкнувъ дверь, ввелъ Багрѣва въ темныя сѣни, снова пнулъ ногою невидимую дверь, и она, распахнувшись, открыла просторную комнату съ большимъ столомъ посерединѣ и брошенными на полъ тюфяками. Въ углу комнаты грудю лежали всякія вещи, среди которыхъ Багрѣвъ увидѣлъ и сѣдла, и мѣдную посуду; въ другомъ—было сложено разное оружіе и платье, а за столомъ, уставленномъ бутылками и кувшинами, сидѣли трое молодыхъ здоровыхъ людей въ однѣхъ рубахахъ.

— Вотъ, государи мои,—началъ сержантъ, какъ вдругъ одинъ изъ сидящихъ за столомъ вскочилъ и съ возгласомъ:

— Николаша, другъ мой!—бросился обнимать преображенца.

— Антоша!—радостно отвѣтилъ Багрѣвъ и крѣпко поцѣловался съ молодымъ человѣкомъ.

— Вотъ, и отлично!—воскликнулъ сержантъ,—мнѣ и знакомить не нужно. Нашъ сожитель будетъ. Савеловъ, зна-